

доть его религіознаго чувства, его даже прямо обвиняють въ „язычествѣ“; но можно спросить: въ то время, когда развивался этотъ языческій культъ, было ли на него обращено достаточное вниманіе моралистами той эпохи? Какъ извѣстно, церковная литература, съ самаго начала восемнадцатаго вѣка, расходится съ литературой свѣтской и остается вдаль не только отъ этой литературы, но и отъ самаго движенія новой общественной жизни. Заключившись въ старыя формы поученія и упорно держась даже архаическаго языка, эта литература—за очень рѣдкими исключеніями—не отозвалась совсѣмъ на тѣ волненія, какія тѣмъ временемъ охватывали умы и нравы русскаго общества. Тѣ вліянія иноземной литературы, какія осуждаются современными моралистами, напр., въ произведеніяхъ Пушкина, въ свое время остались едва замѣченными въ старой церковной литературѣ, и если встрѣчали иногда отпоръ, то слишкомъ скудный и слишкомъ схоластическій, чтобы получить вліяніе на умы. „Языческій культъ“ распространялся безпрепятственно... Въ другомъ мѣстѣ, говоря о литературной дѣятельности Батюшкова, мы упоминали, что то настроеніе мысли, которое называютъ „языческимъ“, является уже очень издавна, какъ результатъ вліянія классическихъ литературъ, вліянія, которому долго оставалась чужда старая русская письменность и которое должно было, наконецъ, проникнуть къ намъ съ ходомъ литературнаго образованія: греко-римская, т.-е. языческая міеологія, еще съ конца XVII-го вѣка, отъ кievскихъ и западно-русскихъ писателей и затѣмъ до Ломоносова, Державина, Карамзина, Батюшкова, становится литературной манерой, привычнымъ поэтическимъ оборотомъ, которые распространялись вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ новой нашей литературѣ расширялся запасъ литературныхъ идей и поэтическихъ образовъ. Въ легкихъ, игривыхъ, „прелестныхъ“, по признанію самихъ моралистовъ, произведеніяхъ Пушкина (какъ раньше его въ произведеніяхъ другихъ поэтовъ), посвященныхъ Эроту, Вакху и Кипридѣ, было, конечно, вовсе не язычество, а простой обычный разгулъ молодыхъ страстей, который могъ бы обойтись точно также и безъ міеологическихъ обозначеній и не измѣнился бы отъ этого въ своей сущности—онъ и дѣйствительно существовалъ въ жизни и безъ всякихъ міеологическихъ наименованій. Къ сожалѣнію, моралисты того времени не обращали на него особеннаго вниманія. Дальше, къ этому присоединялось въ новой поэзіи и нѣчто другое — извѣстное вольнолюбивое и вольнодумное направленіе, которое было внушено уже никакъ не міеологическими божествами, а тогдашнимъ настроеніемъ умовъ въ обществѣ европей-